

«Судьба мне подарила, что могла»

К 95-летию со дня рождения поэта Николая Якушева

В декабре 2011 года ярославские любители поэзии, культурная общественность отмечают очередной юбилей Николая Михайловича Якушева. Во второй половине прошлого века это имя было своеобразным символом поэзии Рыбинска. В городе его знали все, а поэтическое признание Якушева выходило далеко за пределы Ярославской области. Николай Михайлович оставил не только добрую память о себе, но и свои мудрые, талантливые книги, которые и сейчас пользуются вниманием тех, кому небезразлична поэзия.

Перечитывая статьи, написанные мной к предыдущим юбилейным датам старшего друга и наставника, понимаю теперь некоторую односторонность моего взгляда на поэтическую судьбу этого необычайно яркого человека. Если бы я не был более десяти лет близко знаком с Николаем Якушевым, возможно, повторил бы то, что писал в предисловии к книге стихов и дневников поэта «Жил-был я» (1994), сводя все только к трагедии одной из жертв сталинских репрессий.

Тогда, на волне всяческих разоблачений, многое представлялось проще, да и не все документы были прочитаны, в частности, его переписка. А дневники начинались только с 1971 года... В числе репрессированных оказались многие писатели: и Николай Заболоцкий, и Анатолий Жигулин, и Варлам Шаламов, и Борис Ручьев... Но их судьбы сложились по-иному. Если бы еще Якушев не был реабилитирован или погиб в лагерях, тогда — другое дело. Но поэт остался жив и вернулся в литературу познавшим то, *что не познали другие*, в хорошем смысле этой фразы: если не самые лучшие его стихи, то одни из лучших связаны с теми жизненными переживаниями.

Николай Якушев сумел преодолеть душевный кризис, о чем говорят и строки его объемного цикла «У семидесятой параллели», опубликованного впервые в период «хрущевской оттепели».

*Я плохо верю в дружбу тех,
кто от удач ослеп,*

*кому легко
дается смех
и достается хлеб.*

*.....
Надежной дружбой дорожа,
я крепко верю в тех,
чья раскрывается душа
от добрых слов «на всех».
На всех — костер,
на всех — вода
и ужин, как ни скуп...
Окурок друга никогда
не обжигает губ.*

*Пусть ветер бьет
и крутит снег
свирепых декабрей,
сквозь них прошедший человек —
правдивей и добрей.*

(«Годовые кольца», 1964)

Или другое стихотворение из этого сборника, посвященное познавшему те же испытания поэту и другу Борису Ручьеву:

*Мы не верим,
единоверцы,
что состаримся наконец,
что сегодня
на срезе сердца
пятьдесят годовых колец.*

*.....
Но в какую б
глухую замять,
задыхаясь, идти ни пришлось —
узелков не вязали на память,
не копили змеиную злость.*

И самое пронзительное:

*Мы вернулись.
Не убитые
ни цингою, ни трудом,
не с дешевою обидою
вспоминаем мы о том.*

*По-особенному больно нам
было, может быть, всегда,
что на шапке у конвойного
наша красная звезда.*

В этих стихах нет бодрячества, их наполняет осмысленная тяжесть случившегося. Преодоление, конечно, давалось нелегко.

*Все в снегу —
в густой скрипучей вате,*

*как и в том провьюженном краю...
Вот опять мне папирос не хватает,
чтоб припомнить молодость свою, —*

говорит Якушев в стихотворении, посвященном другому репрессированному другу-поэту Владимиру Ковалеву.

Но было непреклонное стремление подняться над прошлым и доказать свою состоятельность:

*И что с того,
что путь был очень труден?
Нам выпала особенная честь:
прожить всю жизнь
с высоким словом «будет»,
кончая день
коротким словом «есть!»*

(«Фотография друга», 1956)

И все же цель этого очерка — сказать не только о жизненной драме Николая Якушева, но и о судьбе провинциального поэта, который по своему масштабу не был провинциалом.

Осознание того, что его предназначение — поэзия, не покидали Якушева с юных лет. Пытался он писать даже в лагере, о чем говорит в стихотворении «Стихи из сожженной тетради»:

*Стихи из сожженной тетради
не выдалось мне уберечь —
при обыске их надзиратель
торжественно выбросил в печь.*

*И видно, не веря идее
целебного свойства огня,
лечил графомана «в кондее»,
«вытряхивал дурь» из меня.*

Несколько лагерных стихотворений сохранились в памяти поэта и затем вошли в его книги. А после освобождения творческая жизнь вновь захватила Николая Якушева всерьез. Уже в 1955 году, как вспоминает он сам в автобиографии, послал стихи в печать и с этого времени стал издаваться. Печатался в газетах, сборниках, журналах областных и московских. В 1959 году вышла книга его стихов «Высокий берег», о которой не стоит говорить подробно, это типичная для того времени первая книга. По ней нельзя было определенно сказать о творческих возможностях автора, как, впрочем, и по второй маленькой книжице «Старт» (1962). Хотя оба издания были замечены читателями и критикой.

О неординарном таланте поэта, о крепнущем собственном голосе можно судить уже серьезно по его третьему сборнику — «Годовые кольца» (1964). Повод для этого дает и то, что к тому времени Николай Якушев был принят в Союз писателей СССР (1963). Книгу еще нельзя назвать ровной, в ней есть стихи на злобу дня, слабые по замыслу. Навязанная в те времена «рабочая тема» буквально выдавливалась из авторов. И вот попадают в сборник стихи: «На субботнике», «В городе светает», «Город будет». То же самое было с идеологическими установками и попытками поэта не отстать от времени в стихотворениях о Ленине, Марксе, партии. Но основа книги — крепкая, образная лирика. Кроме стихов из цикла «У семидесятой параллели», в ней немало стихотворений философской направленности, о природе, о любви. Вот характерные строки:

*Гомер был слеп,
Бетховен глух...
А жизнь — и в шорохах
и в звездах.
Но что им зрение и слух,
когда в них мир
входил, как воздух.*

Другие строки удивительно точно отражают состояние природы в закатный час:

*Еще не вечер,
но уже не полдень —
лиловый сумрак бродит по лесам.
Закат во всех подробностях
исполнен
как бы дотошной кистью палешан.*

*Обнажены в короткий час отлива,
блестят тонкозернистые пески,
а наверху,
над кромкою обрыва,
березы приподнялись на носки.*

(«Рожновский мыс»)

Стихи настоящего мастера, знающего цену эпитету и глаголу, хочется цитировать и цитировать:

*Говори, говори...
Почему-то все чаще и чаще
нужен мне бормоток
твоих детски картавых речей.
Потому и бреду
сквозь зеленое кружево чащи,
чтоб услышать твой голос,
лесной неприметный ручей.*

*Здесь, под сводами крон,
как в глухой, потаенной пещере,
ты по каплям сочишься,
корням и корягам в обход.
Из-под крестиков мха
ты пробьешься наружу — я верю
в беспокойную силу
упрямых подпочвенных вод.*

Умение найти точные определения и тончайшие детали — «фирменный знак» Якушева. Обозначив книгу «Годовые кольца» как точку отсчета творческой зрелости Николая Якушева, добавлю к вышеприведенным строки из следующей книги «Стихи» (1967):

*Всю ночь,
от страха еле живы,
искали птицы тишины,*

*а молний вздувшиеся жилы
до синевы напряжены.*

*От злого грохота тупея,
зверье покинуло леса.
Как репетиция Помпеи,
шла первобытная гроза.*

Во всех трех приведенных отрывках поэт предстает истинным художником слова.

Главной же книгой Николая Якушева стал уже упомянутый сборник «Стихи», можно сказать, юбилейный — поэту накануне, в 1966 году, исполнилось пятьдесят. Он в расцвете творческих сил, окончил Высшие литературные курсы, публикуется в журналах, всесоюзном «Дне поэзии». Признан корифеями советской поэзии: Ярославом Смеляковым, Сергеем Поделковым, Егором Исаевым, дружит с Анатолием Жигулиным, Владимиром Костровым, Николаем Старшиновым, Николаем Рубцовым. Но к своим пятидесяти Якушев по-прежнему остается талантливым провинциалом, ни одной книги в Москве у него не вышло.

Писателю из глубинки крайне трудно было в те годы пробиться в столичные издательства. Вполне обоснованно сформировалось мнение, что, если ты не вырвался на жительство в столицу, всесоюзно известным писателем никогда не станешь. Конечно, имели место и другие варианты: частые наезды в издательства, поиск покровителей в Москве. У Якушева все поначалу складывалось вроде бы удачно. В автобиографии, очевидно, затребованной в какие-то литературные инстанции, он пишет: «...должна выйти книга под условным названием “Группа крови” в издательстве “Молодая гвардия”». Возможность московских изданий постоянно упоминается и в переписке Николая Якушева с другом, крупным советским поэтом Анатолием Жигулиным, опубликованной в книге «...Попробуй выстоять в тени: Дневники. Переписка. Воспоминания», составителем которой выступила Т. А. Пирогова (Ярославль, 2006). Но на каком-то этапе выход и этой, и других книг «срывается»...

Вернемся к сборнику «Стихи». Часть произведений в него отобрана из предыдущих книг. Два стихотворения датированы долагерными 1934 и 1935 годами, но назвать их незрелыми нельзя, в них уже чувствуется почерк будущего Якушева:

*За окнами цвело
и розовым и белым.
Бессильное стекло
зари сдержат не смело.*

1934

Встреча с читателями. Поэт подписывает новую книгу «Стихи». 1967

Н. М. Якушев с женой Конкордией и сыновьями Ярославом и Артемом

Или:

*Падал снег.
Я хотел быть резким.
Я хотел засвистеть — и не мог.
И окошко твое с занавеской,
отраженное, блекло у ног.*

1935

Есть стихи 1947, 1948, 1949, 1950 годов, то есть написанные в лагере, возможно, из той самой «сожженной тетради». Стихотворение, датированное 1935 и 1949 годами, «Десятый вальс» — о юношеской любви, посвящено Е. К. — Евгении Колесниковой, девушке, которую он помнил всю жизнь:

*Смешно,
что я полжизни берегу
тебя такой,
как в первый день потери.
Что жизнь прошла —
поверить я могу,
что ты прошла —
я не могу поверить.*

Ей же, очевидно, посвящены и еще несколько стихотворений, которые можно отнести к достойным образцам любовной лирики.

Во всех книгах Якушева немало сюжетных стихов — емких, образных, психологически точных поэтических зарисовок человеческой, да и не только человеческой жизни: «Баллада о потерянном имени», «В дальний край зеленый улетаю...» («Крушение легенды»), «Фотография друга», «Дорога», «Умерла моя мама...», «Кинохроника», «Проводы», «Убили волка» и другие.

*Будет утро.
Весна на зеленой планете,
и хорошие песни,
и добрые люди.
Будет так,
что и горя не станет на свете,
лишь тебя
никогда уже больше не будет.*

*Никогда...
Не помочь никакими слезами.
Сыновья, сыновья,
видно, все мы такие —
матерей мы целуем
в толпе на вокзале,
о любви матерям говорим
на могиле.*

(«Умерла моя мама...»)

*Да, здесь был бой!
Отчаянные парни
в атаку шли
сто двадцать дней подряд.
И жаль, мешал увидеть
накомарник,
какие лица были у ребят.
.....
И что с того,
что путь был очень труден?
Нам выпала особенная честь:
прожить всю жизнь
с высоким словом «будет»,
кончая день
коротким словом «есть!»*

(«Фотография друга»)

В книге «Стихи» собраны и другие яркие стихотворения, которые не только талантливы, но и во многом определяют жизненные установки поэта, его пристальный и неравнодушный взгляд на наш непростой мир: «Не верю песне...», «В окно вагона, словно в прошлое...», «Всю ночь от страха еле живы...», «Был горизонт натянут, как струна...», «Таких я видел и в Москве и в Рыбинске...». Последнее, запоминающееся сразу, крайне актуально и сейчас, спустя полвека:

*Таких я видел
и в Москве и в Рыбинске —*

*несут себя
на каблучках точеных...
Смотрю на них,
раскрашенных, как вывески,
а вижу тех,
военных лет девчонок.*

*С глазами их,
испуганно огромными.
С морщинками,
все новыми и новыми.
Их часто оставляли похоронные —
в одном году —
сиротами и вдовами.*

*Кто будет спорить?
Нынешние краше их —
им и стихи
и песни адресованы.
У тех —
слезой ресницы были крашены
и горьким горем
губы подрисованы.*

Это стихотворение о матерях, теперь уже бабушках и прабабушках нынешних раскрашенных девчонок. В подавляющем большинстве стихов Якушева соединяются два достоинства: содержание и художественное исполнение, значимость темы органично усиливалась тем, как выражен замысел стихотворения. Конечно, в вышеупомянутый сборник вошли и стихи из цикла «У семидесятой параллели».

Книга «Стихи», казалось бы, открывала дальнейшие возможности для выхода к широкому читателю. Но по стечению обстоятельств неожиданно последовали трагические события в жизни поэта. К этому времени Якушеву было уже тесно в районном городе, где практически он находился в отдалении от большой литературной жизни. Сопоставляя две поэтические судьбы — Анатолия Жигулина и Николая Якушева, — наглядно видишь, как первый искал путь к творческой реализации в столице, а второй не имел возможности даже сделать подобную попытку. Жигулин с невероятными сложностями, но вырвался в Москву, заняв со временем литературные должности, необходимые для приобретения связей и прямого выхода на издательства. Что скрывать, секретарь Союза писателей или редактор крупного журнала, и даже заведующий отделом в издательстве, имели в то время большие преимущества перед другими, не случайно и родилось такое определение, как «секретарская литература». Якушев перебраться в Москву не мог в силу своего характера и житейских обстоятельств, сложившихся во второй половине 1960-х годов. Первый был свободен от бытового бремени, у второго — жена, два малолетних сына. Куда с таким багажом? А постоянное безденежье не позволяло выехать в столицу даже на день. Но главное, я думаю, все-таки крылось в другом — в независимом характере Якушева. Он не умел и не хотел приспособливаться, унижаться, хитрить, расталкивать других локтями. А в столичной литературной среде без этого выжить почти невозможно.

Постепенно Якушев осознает, что книга в Москве так и не выйдет. Это можно понять по его переписке с Жигулиным, который сообщал другу о своих успехах. А тот в ответ только попросил о ходатайстве или сам посылал, по сути, бесполезные и часто безответные письма в центральные издательства, где годами лежали его рукописи. Да и тон

24 декабря 1975 г.
Рязань.

Дорогой Толя!

Открытка-открыткой, но лично ты тебе и о новеньких моих книжках. Их произвело немало, за время молодости нашего, и не все они хороши.

- 1) С 1960 года я увлекся ил шевишуба и ситуи дома за пивными вечерами. Хотя последний год, перед уходом на пенсию, перебрался в квартиру вилу. Пока разговор о рывчипатах расно, но катать по пучкайбас.
- 2) Матло и, видима, непоравимо заболела Кера - опучекие поски. Неб ни одного дня, чтобы она чьевововамо вьбо сносно.
- 3) Артеши - в Аршии, но попал катитбо удачно. Считат в камь-шо в/ч СПО, ч/вде-во в район Сромушек.
- 4) Крайней э и сам вьбо обманывал обертками, но вей дни наводь айсосал э вьбо вьбо в. Сов, пид "рукопись (2000 строк). Не знаю, что ил вьбо вьбидеб. Получеко послал письмо в/годч Исриву, шотей вьбиде, сей пачетей
- 5) Недавно из "Исторья", в вей вей но авосканцио ниболошчу поэзию (250 строк), получила я очию, вьбиде с любезныи обьавененем какого-то Илкаукасияна тьбо-ли: катисано де хорецо тьвевачудей мавевачудево, свободное владение поьбикиселии фризурани и т.д. НО - редакцию вьбиде, не шотей, т.к. в поьбиде поэма С. Ситиньва, В. Сидерова и еще кто-то.
- 6) Ярославля шюи, нидичицию, некрошвали до полней кепей-ривновеси. Не приемы килго, где только шотто чумеврейб какой-либо катек на тьбо-либс. Вьбало она в 5 месяцев (3500 строк) и э поьбиде к ней вьбикши шьбеве (кроме Дентинго), дати с обьправкой фьбидеграфрии танц вьбидеб итд.
- 7) Сейчас, послэ обьправки рукописи в СП, са тучь эо пьвбу, кьшорая летит давно калатаво (тэа три навод) и вео в тьбид тьбо пьвбуци. Тэо поьбиде - не вьбало. И, вьбаче,

Смерлит илн мысль обьбрак: - Во обьбракш поьбидеб пора!
И тэо не пьвбиде калатаво обьбидеб вьбидеб, а и блатое шюи калатерние - как гьбидеб в вьбеве, не пора ли, закрывай вьбало"

Наобьбракше - пьвбо шату - нибатное тэо чьт вьбидеб пьвбидеб, вьбало: вьбату на фризичицию пьвбуци.
Иногда, вьбидеб" такие вьбидеб:

Знаю вей -
Был вьбидебныи, гьбидебныи,
Ты не жалкоб гьбидебныи гроши ...
Навьбидебныи кьбидеб и калатерние
Идичицией пьвбидеб души.

Дней пьвбидеб -
вьбидебныи нибатно.
Равьбидебныи, кьбидебныи, и лотись.
По нотаи шюи обьбидебныи обьбидебныи
за бьбидебныи пьвбидебныи тьбидеб.

Не бол добрай,
удьбидебныи, пьвбидебныи
обьбидебныи гьбидебныи пьвбидебныи в обьбидебныи.
Никого э не обьбидебныи обьбидебныи,
не обьбидебныи обьбидебныи на вьбидебныи.

Вей обьбидебныи вьбидебныи, бьбидебныи, тьбидебныи. По калатаво шюи
тэо нибатно в обьбидебныи, да обьбидебныи, за рабидебныи бьбидебныи, шьбидебныи вьбидебныи
машини бьбидебныи, э как нибатно обьбидебныи дьбидебныи рабьбидебныи
с вьбидебныи.

Как вьбидебныи вьбидебныи? Как "Исторья"? Как кьбидебныи?

Будь здравь.
Обьбидебныи, тьбидебныи - Илкаукасияна
Анчичицией

Письмо Николая Якушева к Анатолию Жигулину

друга, на поддержку которого он надеялся, с годами становился все сдержанней и отстраненней. Мне довелось дважды встречаться с Анатолием Жигулиным. Первый раз я сообщил ему о смерти Николая Якушева. Он ответил лишь вялыми вздохами. Равнодушно встретил меня и тогда, когда я привез посмертную книгу Якушева «Лирика» (1985) со стихотворением, которое стоит привести полностью:

Жизнь прошла
не под звуки победного марша —
были срывы, и боль,
и ночное вино.
Наша дружба стара,
но ведь мы-то значительно старше,
неужели же ей
раньше нас умереть суждено?

Пусть нелепым был путь
через жизни бездарную повесть,
пусть о лживое слово
не раз разбивали мы лбы
и не раз спотыкалась
о подлость наивная совесть,
но она провела нас
сквозь черные дыры судьбы.

Адресат стихотворения был понятен. Между восторженными отзывами Жигулина о стихах Якушева сначала из Воронежа, а потом из столицы в начале 1960-х («Никакого отказа не будет! Через год-два у тебя появится в Москве книга. Если хочешь — две!»; «Стихи твои — отличные... Их уже вся Москва знает...» — это о стихотворении «Начиная с околичностей...») и последними письмами было много просьб со стороны Якушева и обещаний Жигулина, касающихся посильной помощи в продвижении рукописей в «Молодой гвардии» и «Советском писателе». Рассчитывать тогда Якушеву, кроме друга, было не на кого.

За два года проживания в Москве в середине 1960-х во время учебы на Высших литературных курсах Николай Якушев достаточно увидел и понял. Изрядно пообщался с «З. З.», «Зиновием», как они в переписке с Жигулиным шутливо называли «зеленого змия», близко познакомился со многими известными собратями. Конечно, поэтическая вольница захлестывает большинство провинциалов, штурмующих Олимп на ВЛК и в Литинституте. Главное, вовремя останавливаться, совмещать неформальное общение с работой. Но это в идеале, когда душа спокойна и жизнь не столь изломана разочарованиями.

В конце 1960-х доверчивый характер сыграл и вовсе злую шутку с поэтом. С писательского съезда, на который был приглашен, Якушев привез в Рыбинск закрытое письмо А. Солженицына, обращенное к коллегам, и дал почитать его некоторым «друзьям». Письмо же стали размножать, и недремлющее око КГБ быстро нашло виновника. Последовали репрессии: увольнение с моторостроительного завода, где он тогда работал в отделе научной организации труда, грозило исключение из Союза писателей. Якушев попал в долгую опалу. Все чаще поэта посещают мысли о смерти, поскольку уходят из жизни друзья и покровители: Ярослав Смеляков, Борис Ручьев — те, кого он любил и ценил.

На первый взгляд, он был по-прежнему бодр и творчески активен. Его любили читатели, тянулась к местному метру молодежь. Но это только казалось. Именно когда рассматривалось персональное дело Якушева на собрании Ярославской писательской организации, закончившееся не исключением из СП, а только строгим выговором, он и начал вести дневник. По записям можно понять его тогдашнее состояние. Вот что Николай Михайлович пишет 28 марта 1971 года: «В дом пришла нищета. Мы залезли в долги, из которых неизвестно, как будем выпутываться. Кора (Конкордия Евгеньевна — жена. — С. Х.), чтобы хоть как-то облегчить положение семьи, нанялась мыть лестницу и лестничные площадки в доме. Старший инженер-экономист, по совместительству — уборщица. Здорово! Ребята, конечно, переживают это очень болезненно. Когда собираемся все вместе — в доме тишина, как при покойнике. И ясно понимаю, что покойник — я...»

Устроился работать грузчиком, больше никуда не брали, но эта работа оказалась не по силам. Некоторое облегчение принесла изданная в 1973 году небольшая книжка «Вторая половина дня». В нее вошли в основном старые стихи, но есть и несколько новых, очевидно, написанных в конце 1960-х — начале 1970-х. В них отражено душевное смятение того периода:

*Среди всего иного-прочего
тревожит часто мой покой:
внук крепостного,
сын рабочего,
а сам-то,
сам я кто такой?*

*Не хлебороб и не строитель,
в больших не числился умах.*

*Так кто же ты?
Всего лишь «житель»,
нелепый делатель бумаг?*

Самое значительное стихотворение сборника — от которого и пошло его название:

*Пока что
все как нужно у меня,
хоть по годам
давно уже не утро...
Как говорят
почти спокойно, мудро —
идет вторая половина дня.*

*Судьба мне подарила,
что могла.
Ни ясным небом,
ни тяжелым хлебом,
ни униженьем, ни бедой,
ни гневом —
ничем меня судьба не обошла.*

Нервное, предельно откровенное, с одной стороны, философское, а с другой — почти декларация, заканчивается оно горькими правдивыми строчками:

*Что мне
вторая половина дня
и приближенье неизбежной даты?
Я не страшусь.
Давным-давно когда-то
уже однажды не было меня.
Идет вторая половина дня.
И, может быть,
страшней всего на свете,
что строчки,
как взрослеющие дети,
уходят безвозвратно от меня.*

В этом же сборнике напечатано и посвящение собрату, с которым поэт близко сошелся в Москве, Николаю Рубцову. «Коле Рубцову», как ни грешно об этом говорить, повезло в поэзии больше, он смог в метаниях между Москвой и Вологдой выстрадать и донести до читателя то, чем жила его душа и чем она была больна, с почти гениальной проникновенностью, что поставило его в первый ряд поэтов конца прошлого столетия...

Якушев устроился работать редактором кинопроката на нищенскую зарплату, но все-таки хоть так. О том, как все происходило дальше, говорит запись в дневнике 4 марта 1976 года: «...Время уходит, а я по-прежнему трачу его так, как будто в запасе еще лет 20. Размениваюсь на пустяки: газетные статейки, какие-то вегетарианские стишки». А две недели спустя, 19 марта этого же года, поэт попадает в больницу с обширным инфарктом.

К 60-летию — пенсионному возрасту, как тогда было принято, Верхне-Волжское издательство выпускает шестую и последнюю прижизненную книгу Николая Якушева «Курганы» (1976). Он пишет об этой подготовленной еще два года назад рукописи в письме

Н. М. Якушев. Конец 1970-х — начало 1980-х

Жигулину так: «Вначале мне дали 10 листов — юбилейная ведь! Потом урезали до 7. А перед Новым годом пришлось забрать рукопись, чтобы выбросить еще 1500 строк — оставили всего 5 листов...». Мысли о столичной книге его по-прежнему не оставляют: «Книжка очень нужна по многим причинам — понимаешь сам, очередь моя для “утирания бороды” недалеко уже. (Это есть пословица: “Пожито, попито — пора и бороду утирать”.) И уходить без книжки московской — обидно».

В книге «Курганы» новых стихотворений совсем немного, да они и не определяют содержание книги. Издательство пошло по легкому пути, выбрало проверенные стихи, а измученный неудачами и болезнями автор не противился этому. Юбилейная галочка была поставлена, какой-никакой гонорар на бедность получен, а дальнейшее пока представлялось туманно. И все-таки он продолжал работать, появились новые замыслы. В конце 1970-х Николай Якушев берется за прозу, отчасти автобиографическую. Трудно сказать, что должно было из этого выйти в целом, но первую книгу он написал. Она о детстве, периоде начальных лет Советской власти, в окончательной редак-

ции называлась «В конце двенадцатого лета». Ее сначала одобрили в Верхне-Волжском издательстве, а потом зарубили, чем больно ударили по надеждам и планам. Повесть все-таки удалось издать, уже после смерти поэта, в середине 1980-х, напечатана она на двух языках в советско-болгарском журнале «Дружба».

В 1982 году Якушев начинает готовить очередной сборник стихов. Творчество опять захватывает его, поскольку есть заверения Верхне-Волжского издательства, что повесть выйдет в 1983-м, а итоговая книга стихотворений — в 1985 году. «Теперь только работать и работать (главное — работа), этому и следует посвятить последние годы жизни», — пишет он в дневнике 21 февраля 1981 года. Увы, как уже я говорил выше, отклонение повести издательством фактически добило Николая Михайловича. В дневниковых записях он все чаще вспоминает годы юности, старых друзей, свой арест и последующие события, то есть живет прошлым. Поэт еще выступает, подрабатывает рецензиями на рукописи для издательства, много общается с молодыми рыбинскими литераторами. Изредка получает письма от старых друзей и знакомых: академика Н. Желтухина, поэтов С. Поделкова, Д. Самойлова.

Рукопись новой книги стихов Якушев отвез в издательство в сентябре 1982 года. «Прошел месяц со времени последней записи. Ничего не изменилось, все, как было — ем, сплю, читаю, что попадется. Не пишу и, кажется, ничего больше писать не буду. Зачем? Хотя очень хотел бы писать что-то вроде раздумий о прожитом: “Жил-был я”. (20 февраля 1983)». Это была последняя запись в дневнике, сделанная за два месяца до смерти, а книга с таким названием вышла в 1994 году в издательстве «Рыбинское подворье». Она вклю-

чала в себя стихи и дневниковые записи поэта, его раздумья о прожитом, прочитанном, выстраданном. За нее поэту посмертно была присуждена первая областная литературная премия имени Л. Н. Трефолева.

Но еще раньше, в 1985 году, вышла небольшая книжечка Николая Якушева «Лирика». Она включала в себя и неопубликованные произведения, в частности, вышеприведенное стихотворение, обращенное к бывшему другу Анатолию Жигулину («Жизнь прошла не под звуки победного марша...»). Здесь же откровенные: «Может быть, я не так уж и нужен...», «Не знаю, сколько ты ждала...», «Апрель... И почва подопрела...», «Хорошо, что потеряна жизнь, а не совесть...», «В больнице». А также горькая, отчаянная «Ода подлецам», над которой можно было поставить множество посвящений, закачивающаяся строчками:

*Случалось, что я брел по бездорожью,
не понимая в жизни ни черта.
Но, знаете, меж правдою и ложью
всегда гнездо свивает клевета.
Она людское расторгает братство,
запутав все начала и концы.
Вы помогли мне в жизни разобраться,
спасибо вам за это, подлецы!*

Весь гонорар от сборника «Лирика» ушел на памятник, который торжественно открыли на могиле поэта. Казалось, что после смерти судьба Николая Якушева будет более благосклонна к нему. Наследники с помощью друзей пытались все-таки издать его книгу в Москве, но это ни к чему не привело. Пока была жива вдова поэта, Конкордия Евгеньевна, пережившая его на 16 лет, сделать удалось много. Ярko отметили 70-летие и 80-летие Якушева, установили на доме, где он жил в последние годы, мемориальную доску, выпустили книгу в Рыбинске, сняли фильм о жизни и творчестве поэта, даже улицу хотели назвать его именем. Но, в итоге, назвали только городское литобъединение.

При составлении книги «Жил-был я» в архиве поэта нашлись и неопубликованные стихи. В одном из лучших стихотворений этого сборника Николай Якушев емко и мудро отразил всю свою жизнь:

*Мальчик,
играющий разноцветными раковинами
на берегу Великого океана,
узник,
ожидаящий без всякой вины
приговора сурового тирана,
юноша,
впервые окрыленный любовью,
неудачник,
счастливый только во сне,
музыкант,
заплативший острою болью
за сладкую отраву элгии Массне.
Схоласт,
извлекающий из древних фолиантов
пыльные истины о судьбах мира,
пьяница,
пропивающий остатки таланта*

*за грязною стойкой вонючего трактира.
Маленький каменщик
великой стройки,
отшельник,
презирающий шум бытия,
несчастный,
умирающий на тюремной койке...
Как странно,
что все это — Я.*

Несмотря на все пережитые жизненные тяготы, творческая судьба Якушева удалась. Именно с него началась современная поэзия в Рыбинске, городе многих талантливых литераторов. Его любят и читают, на краеведческих чтениях поэту-земляку посвящаются многочисленные доклады, проводятся ежегодные Дни якушевской поэзии. А в памяти тех, кто знал его, Николай Михайлович остается личностью яркой, вольнолюбивой, воплотившей в себе качества настоящего творца, мыслителя, отдавшего всю свою жизнь служению русской поэзии, родному слову.

Сергей ХОМУТОВ,
член Союза писателей России